

АГИОГРАФИЯ, ГИМНОГРАФИЯ, УЧИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Т. Р. РУДИ

«Яко столп непоколебим»

(об одном агнографическом топосе)*

В 20-м томе Трудов Отдела древнерусской литературы, посвященном нерешенным проблемам исследования памятников литературы Древней Руси, Олег Викторович Творогов поместил статью о задачах изучения устойчивых литературных формул.¹ Тема эта — по прошествии нескольких десятилетий — продолжает и сегодня оставаться одной из наиболее актуальных и интересных тем современной медиевистики.² «Устойчивые литературные формулы», под которыми исследователь понимает «традиционные ситуативные формулы, т. е. сходные по выбору фактов и композиции описания, фрагменты характеристик и т. п.»³, являются составяющей литературной топики — одной из наиболее значительных и устойчивых характеристик средневекового текста. Наличие так называемых «общих мест»⁴ — важнейшая черта литературного этикета, который является определяющей характеристикой образной системы любой средневековой литературы.⁵ Настоящее краткое сообщение посвящено одному из агнографических топосов,⁶ наиболее часто используемому в житиях преподобных, — литературной формуле «яко столп непоколебим» в ее различных вариантах и интерпретациях.⁷

* Статья написана при поддержке Гумбольдтовского фонда (Германия)

¹ Творогов О В Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ М., Л., 1964 Т 20 С 29—40

² Основную библиографию по теме см в указанной статье О В Творогова, а также в кн Буланин Д М Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв Munchen, 1991 С 88, 217—263 (Slavistische Beitrage Bd 278)

³ Творогов О В Задачи изучения устойчивых литературных формул С 32

⁴ Все родственные литературоведческие понятия для обозначения так называемых «общих мест» (commonplaces, Gemeinplätze) восходят к терминам античной риторики *loci communes* / κοινὰ τόποι. См об этом, например Obermayer A Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft // Toposforschung / Herausgegeben von Max L Baeumer Darmstadt, 1973 S 252—267

⁵ О литературном этикете см Лихачев Д С 1) Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения) // ТОДРЛ М., Л., 1961 Т 17 С 5—16, 2) Поэтика древнерусской литературы 2-е изд М., 1971 С 95—122, и др

⁶ Используя термин «топос», я придерживаюсь того расширенного его толкования (в формальном и содержательном смысле), которое он приобрел в современном литературоведении и медиевистике в частности топосом может быть любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи (см об этом Čiževskij D Zur Stilistik der altrussischen Literatur Topik // Festschrift für Max Vasmer zum 70 Geburtstag Wiesbaden, 1956 S 105—112 Obermayer A Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft S 263—267, Буланин Д М Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв С 217—223, и др)

⁷ Я оставляю за рамками статьи тему столпничества, с которой топос столпа имеет безусловную генетическую связь (русское слово «столпник» образовано по аналогии с гре-

Получившая в христианских текстах широкое распространение метафора «святой — столп веры» (или «столп церкви») имеет, безусловно, библейские корни. В Послании к галатам апостол Павел именует столпами (вернее, называет почитаемыми столпами)⁸ — ср. греч. οἱ δοκοῦντες στῦλοι εἶναι) апостолов Иакова, Петра и Иоанна, познавших данную ему от Бога благодать: «И познавшие благодать данную ми Иаковъ и Кифа и Иоаннъ, мнимии столпи быти, десницы даша мнѣ...» (Гал. 2: 9). В близком значении использован образ столпа в Откровении Иоанна Богослова: «Се, гряду скоро: держи, еже имаши, да никтоже прииметь вѣнца твоего. *Побѣждающаго сотворю столпа въ Церкви Бога моего...*» (Апок. 3: 11—12). В 1-м Послании к Тимофею апостол Павел именует «столпом истины» саму Церковь Христову: «...да увѣси, како подобаесть въ Дому Божию жити, *яже есть Церковь Бога жива, столпъ и утверждение истины*» (1 Тим. 3: 15).

Позднее образ столпа активно использовался и в патристике: Иоанн Златоуст именует столпами (πύργοι καὶ στῦλοι) апостолов Петра и Павла; Климент Римский называет этих же апостолов «величайшими и истиннейшими столпами»; Феодорит Киррский называет Петра и Иоанна «столпами истины»; Григорий Нисский «столпами веры» именует Иоанна, Павла и Моисея; «крепкими и блаженными столпами Господа» называет святых мучеников Дионисий Александрийский; «столпами и утверждением истины» Василий Великий именует епископов; самого же Василия Великого Феодор Студит называет «столпом церкви».⁹

Следует при этом отметить, что распространенное в христианстве понятие столпа как твердыни, опоры или оплота чего-либо, несомненно, более древнее по происхождению — оно присутствует уже в Ветхом Завете как противопоставление слабости и бесформенности: «Растаяя земля и вси живущи на ней, *азъ утвердихъ столпы ея*» (Пс. 74: 4).¹⁰ Интересно, что и в других случаях использования лексемы ὁ στῦλος в Ветхом Завете столп — облачный или огненный — также является неким божественным знаком: «Моисей и Ааронъ во иереехъ его, и Самуиль въ призывающихъ имя его: призываху Господа, и той послушаше ихъ, *в столпѣ облачнѣ глаголаше къ нимъ*» (Пс. 98: 6—7); «*Богъ же воздаше ихъ, въ день убо*

чеким ὁ στῦλιτης (от ὁ στῦλος — столп, колонна), см. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка М., 1971 Т. 3 С. 766), как особую большую проблему, требующую специального рассмотрения

⁸ См. Гильтебрандт П. А. Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету Пг., 1882—1885. Репринт Nachdruck besorgt von Helmut Keipert und František Václav Mareš München, 1989 Кн. 6 С. 2064 (Sagners Slavistische Sammlung / Herausgegeben von Peter Rehder Bd. 14/6).

⁹ Эти и другие примеры использования лексемы «столп» (ὁ στῦλος) в патристической литературе см. в кн. A Patristic Greek Lexicon / Edited by G. W. H. Lampe Oxford, 1991 (10-th impr.) P. 1265. В отношении последнего из приведенных примеров следует отметить, что формула «Василий Великий — столп церкви» из византийской традиции перешла позднее и в русскую гимнографию так, в переводном кондаке Василию Великому она присутствует в распространенном варианте «*Яви ся стълпъ непоколѣблемыи църкви, < > до небесе явленъ, Василие преподобне*». В оригинальном тексте этого кондака исследователи отмечают словесную игру славянском «стълпъ» здесь соответствует греческое βάσις (вместо традиционного στῦλος), вступающее в перекличку с именем святого — Βασίλειος. См. об этом Der altrussische Kondakar' auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižgorodskij Kondakar' Tomus IV Das Kirchenjahr 2. Dezember bis März / Herausgegeben von Antonín Dostál und Hans Rothe unter Mitarbeit von Erich Trapp Köln, Wien, 1979 S. 74—75 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven Bd. 8/4). Ср. трактовку К. Д. Зеemannна Зеemannн К. Д. Приемы аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси // ТОДРЛ СПб., 1993 Т. 48 С. 107.

¹⁰ Приношу искреннюю благодарность Е. И. Ванеевой за то, что она обратила мое внимание на это чтение. Ср. «Трясый поднебесную из оснований, *столпи же ея колеблются*» (Иов. 9: 6).

столпомъ облачнымъ, показати имъ путь, нощю же столпомъ огненнымъ, свѣтити имъ: и не оскудѣ столпъ облачный во дни и столпъ огненный нощю предъ всѣми людьми» (Исх. 13: 21—22).

Как показывает анализ древнерусской житийной традиции, существует несколько устойчивых литературных формул, связанных с понятием «столп». Одной из них является родственный упоминавшимся библейским образам топос *огненного или свѣтящегося столпа* как сакрального знака, призванного свидетельствовать святость определенного человека или места.¹¹ Так, например, в анонимном Сказании о Борисе и Глебе, одном из наиболее ранних памятников литературы Древней Руси, повествуется о том, что, когда после убийства Глеба его тело было брошено «на пустѣ мѣстѣ», Бог прославил своего угодника, указав местонахождение его мощей, среди прочих знаков, огненным столпом: «И Господь не оставляяй своихъ рабъ <...> И сему убо святууму лежащю дълго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинуды пребыти неврежену, нъ показа: *овогда бо видѣша стълпъ огньнъ, овогда свѣщъ горуще и паки пѣния ангельская слышааху мимоходящии же путьмъ гостие, ини же, ловы дѣюще и пасуще*».¹²

В другом памятнике борисоглебского цикла, Памяти страстотерпца Глеба («Убьенье святаго мученика Глѣба князя русьскаго»), в этот сюжет внесено важное дополнение: «Но Господь Богъ не остави своего раба, *якоже и прежде первомученика Стефана прослави овогда убо столпъ огненъ видяху, иногда же свѣща горяща, овогда пѣние ангельское. И возвѣстиаху въ градъ о святѣмъ и шедше тѣло святаго взяша*».¹³ Важнейшим элементом этого описания является параллель с первомучеником Стефаном — как указание на сакральный образец, на который ориентировано все повествование в целом (и его отдельные элементы в частности) как описание обретения мощей первого русского святого-мученика.¹⁴ Х. М. Лопарев, публикуя текст Памяти Глеба, отметил, что корни топоса «огненный столп над мощами святого» — как и большинства агиографических топосов — уходят в византийскую традицию: исследователь указал наличие сходных эпизодов в Житии Давида и Константина Аргветских, Сказаниях об обретении мощей св. Климента, Иоанникия Олимпийского (Вифинского), о третьем обретении главы Иоанна Предтечи, Иоанна Непомука и др.¹⁵

Топос *свѣтящегося столпа над мощами святого* широко известен и в гимнографической традиции. Приведу один яркий пример: в Службе на

¹¹ Сакральная функция огненного столпа в агиографии связана, помимо прочего, с традиционной для христианской культуры символикой света как божественного начала (ср. евангельские слова Христа «Азъ есмь свѣтъ миру ходяй по мнѣ не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ животный» (Ин 8 12)) О сакральной символике света в христианской традиции см., например Гильтебрандт П. А. Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету Кн 5 С 1863

¹² Цит по изд. БЛДР СПб, 1997 Т 1 С 344

¹³ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 33 (Пролог, сентябрь—февраль), л 12

¹⁴ Об ориентации на сакральные образцы см., например Picchio R. Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists (Warsaw, August 21—27, 1973) Vol 2 Literature and Folklore / Ed by Victor Terras The Hague, Paris, 1973 P 439—467, Успенский Б. А. 1) История русского литературного языка (XI—XVII вв.) Munchen, 1987 С 55—57 (Sagner slavistische Sammlung Bd 12), 2) Борис и Глеб Восприятие истории в Древней Руси М., 2000 С 5 (Язык Семиотика Культура Малая сер), и др. Сакральными образцами для средневекового книжника, как представляется, могли служить — на различном уровне — как собственно сакральные тексты, так и описываемые в них лица

¹⁵ См. Лопарев Х. М. Описание рукописей Императорского Общества любителей древней письменности СПб, 1893 Ч 2 С 58, сноска 1

перенесение мощей Феодосия Печерского (14 августа) появление огненных столпов над мощами преподобного расценивается автором не просто как сакральный знак, способствующий проявлению его мощей, но как собственно явление ангелов: *«Днесь ангельская явления быша, преподобне, в обретенне мощей твоих являху бо ся всем яко столпы огненнии и яко дуги светозарнии стояще над пещерою и оттуду придоша на верх святые церкве»*.¹⁶

Вообще, использование топоса святящегося столпа в различных его вариациях¹⁷ получило большое распространение в славянских агиографических памятниках, безусловно, ориентированных на византийские образцы.¹⁸ Особенно частым вариантом этого топоса в древнерусской агиографии является сюжет о появлении огненного столпа над монастырем, где подвизается преподобный, или над местом постройки будущего монастыря. Нестор, автор первого русского жития-биографии, повествуя о том, как некоему христолюбивому человеку был явлен «свѣтъ пречюднѣ» над монастырем Феодосия Печерского, далее пишет: *«И се наky подобно естъ реци, еже яко пишеться таково о святѣмъ и велицѣмъ Савѣ Се бо въ едину ноць такоже тому шьдѣшю ис келия своя и молящюся, и се показася тому стѣльпъ огньнѣ до небесе сушь Таче потомъ, якоже дошьдѣ мѣста того, и обрѣте въ немъ пещеру и ту тако въ мало дний сѣтвори монастырь славнѣ Такоже и сѣде разумѣвати естъ, Богу назнаменовшю мѣсто то, еже яко видѣти естъ монастырь славнѣ сушь на мѣстѣ томъ, иже и донинѣ естъ молитвами его цвѣтушь»*.¹⁹ Здесь Нестор не только использует интересующий нас топос, но и прямо указывает византийский образец, на который он ориентировался, — Житие Саввы Освященного.²⁰ Мотив появления све-

¹⁶ Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество (по современным минеям) Париж, 1951 С. 85

¹⁷ В «Похвальном слове преподобным отцам и женам» Григория Цамблака, например топос огненного столпа как сакрального знака использован в его обратном выражении «Что же ли блаженства тезоименитаго Макариа? Довлѣть от самага начала житие мужа познати, понеже ни облакъ свѣта, ниже столпъ огньнѣ, но херувимъ того наставляше» (цит. по Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ СПб., 2003 Т. 54 С. 521)

¹⁸ Так, например, топос огненного столпа как знака, появляющегося над мощами святого, присутствует в Житии Иоанна Нового Белгородского, созданном в начале XV в. Григорием Цамблаком над телом мученика ночью являются горящие лампы, три неких «световидных» мужа творят над ним каждение, *«столпъ же огньнѣ с небесе над телесеи святого утвержашеся»* (цит. по ркп РНБ, собр. ОЛДП, Ф. 48, л. 84), в Житии Романа Угличского рассказывается, что после захвата Углича поляки выбросили из серебряной раки и сожгли мощи князя Романа, но на том месте, где лежали кости святого, по ночам стал появляться столп света, благодаря чему жители города смогли вновь обрести мощи князя, еще не зная, чьи они (см. об этом Каган М. Д. Житие Романа Угличского // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 1 С. 379), ср. позднее Сказание об обретении мощей Иринарха Фралического (XVIII в.) над церковью, где покоятся еще необретенные мощи подвижника, ночью гремит страшный гром, трясется земля, «и потомъ видели < > столпъ огньнѣ, утвержденней от церкви до небеси, и многим окрестным градом видно было» (цит. по ркп РНБ, собр. ОЛДП, Q. 177, л. 1) Явление огненного столпа, впрочем, может быть не только знаком проявления мощей. В Житии Никиты Переяславского, например, святящиеся столпы являются старцу Симеону на месте, где позднее были обретенны кресты святого Никиты Столпника «В ту же ноць случися ему изыти изъ келия своя и узрѣ с монастыря на край брега в рѣцѣ три столпы от земли и до небеси, солнечныя луча испускающе и весь град облистывая свѣтом» (цит. по ркп РНБ, Софийское собр., № 1419, л. 433 об.)

¹⁹ Житие Феодосия Печерского цит. по изд. БЛДР СПб., 1997 Т. 1 С. 416 Ср. сюжет в заключительном фрагменте Жития князю Святославу является «стѣльпъ огньнѣ до небесе сушь надъ монастырьмъ» из чего он узнает о смерти Феодосия («и еже от того разумѣти прѣставление блаженаго») (Там же С. 432)

²⁰ Об использовании Нестором Жития Саввы Освященного и других источниках Жития Феодосия Печерского писали многие исследователи В. А. Яковлев, А. А. Шахматов

тящегося столпа²¹ над местом будущего монастыря или пустыни получил впоследствии широкое распространение в русской агиографии (см. жития Кирилла Новоезерского,²² Адриана и Ферапонта Монзенских²³ и др.); вариант этого топоса — мотив появления огненного столпа над местом явления чудотворной иконы — используется в сказаниях об обретении икон.²⁴

Д И Абрамович, С А Бугославский и др (см об этом Творогов О В 1) Житие Саввы Освященного // Словарь книжников Вып 1 С 174—175, 2) Нестор // Там же С 275 Топоров В Н Святость и святые в русской духовной культуре Т 1 Первый век христианства на Руси М, 1995 С 800—801, сноски 10) Ср тот же сюжет в Житии Григория Омиритского над местом построения будущего храма Григорию являются огненный столп и стоящий в нем муж с распростертыми руками (Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием М, 1907 19 декабря Стб 1208—1209) См об этом Каган М Д, Турилов А А Сказание о иконе Богоматери Толгской // Словарь книжников Вып 3, ч 3 С 401 Напомню, что в Житии Феодосия Печерского некоему человеку в «пречюдном свете» является сам Феодосий с воздетыми к небу руками (БЛДР Т 1 С 416)

²¹ В некоторых житиях говорится о явлении над местом будущего монастыря не светящегося столпа, а собственно «света велия», что не меняет сущности сакрального знака (см., например, в Житии Кирилла Белозерского «Случи же ся ему въ едину от ношй молящуся, вечеру глубокоу сущу, и Акафистоу Пречистый по обычею поюшу пред образом ея, и егда доиде мѣста, писаннаго въ икосѣ, "Странно рожесто видяще, устранимся мира и умъ на небо преложимъ", абие слышит гласъ глаголющъ "Кирииле, изыде отсюду и иди на Бѣлоезеро, тамо бо угововах ти мѣсто, в немже можеша спастися" И абие съ гласом онѣмъ *свѣтъ велий явися тогда* Отворив же оконце кѣлии, видит *свѣтъ, сияющъ къ полунощнымъ странамъ Бѣлаго озера* И гласомъ онѣмъ, яко перстомъ, показаше мѣсто то, идѣже и нынѣ монастырь стоит» Цит по изд Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартириан Белозерские / Изд подгот Г М Прохоровым, Е Г Водолазкинским и Е Э Шевченко 2-е изд СПб, 1994 С 72—74)

²² Кирилл уходит по гласу Богородицы в пустыню, чтобы найти место для будущего монастыря «И приде близъ Нова езера и обзрев семо и авамо, видев на восточней стране посреди езера островъ, древесы украшень, и с тово острова, идеже нынѣ монастырь стоит, виде же *столпъ огнень стоящъ от земли и до небеси* » (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 233, л 51 об—52)

²³ Юноша Аммос (будущий преподобный Адриан (или Андреян) Монзенский), получив исцеление от Пресвятой Богородицы, решает принять постриг и уходит искать «нѣкое пусто мѣсто», которое она указала ему во сне как место его будущих иноческих подвигов «И молился старец со многими слезами три дни, ни пию, ни ясть В третью же ночь случися ему изыти ис кѣлии своея и възрѣвъ на востокъ и видѣ к восточной странѣ в дальномъ расстоянии *взыде столпъ огнень высокъ до небеси, топокъ видомъ* Старецъ же, постоявъ мало, долу поникъ и паки възрѣвъ — и видѣвъ того тонкаго столпа по лѣвую страну *второй столпъ огнень же превеликъ зѣло сияющъ до небеси* Вокругъ же тѣх столповъ идяше вода рѣчныя быстрины И чудися старецъ видѣнню тому и имѣя во умѣ своемъ тамо есть мѣсто оно, иже показа ему святая Богородица» (цит по ркп РНБ собр П П Вяземского, Q 281, л 29 об—30)

²⁴ Так, в «Сказании об Иверской иконе Божией Матери», рассказывающем о явлении чудотворной иконы Богородицы на водах перед Святогорским Иверским монастырем на Афоне, говорится, что явление это сопровождалось огненным столпом, восходящим от моря до самого неба, который простоял над иконой несколько дней и ночей подряд, пока иноки обители не обрели святыню (см текст 3-го варианта Сказания, опубликованный в кн Рай Мысленный Иверский монастырь, 1658—1659, о Сказании вообще см Буланин Д М Сказание о иконе Богоматери Иверской // Словарь книжников Вып 1 С 362—365, Белоброва О А Икона Богоматерь Иверская в России // ТОДРЛ СПб, 1996 Т 49 С 237—253, и др.), в «Сказании о Толгской иконе Богоматери» повествуется о том, что ростовскому владыке Трифону, будущему основателю Толгского монастыря, ночью явились огненный столп до неба и стоящий на воздухе образ Богородицы с младенцем, после чего Трифон воздвиг на месте явления столпа и иконы храм, а впоследствии — и монастырь (см об этом Каган М Д, Турилов А А Сказание о иконе Богоматери Толгской С 401 Авторы статьи также отмечают, что сюжет о появлении огненного столпа над местом построения храма не является оригинальным, а часто встречается в легендах об основании монастырей) Ср тот же сюжет в сказаниях об обретении чудотворных крестов, например, в «Сказании о явлении креста Господня и Чудотворца Николая в Никольском погосте, что слывет на болоте у Иисусова креста» (см Ярославские епархиальные ведомости 1873 3 янв № 1 Неофиц часть С 1—5)

Одним из важнейших византийских источников, повлиявших на формирование топоса столпа в древнерусской агиографии, было, по-видимому, хорошо известное на Руси переводное Житие Андрея Юродивого, в котором этот топос представлен в особой форме. Здесь огненный столп является не указанием местонахождения мощей святого или какого-либо другого связанного с ним места, но сам юродивый Андрей предстает на торгу перед некоей «честной женой» в виде светящегося столпа: «Жена нѣкая честна, Духомъ Божиимъ свѣтящися, въ ужасти бывши, види блаженаго Анѣдрѣа, якоже хожаше посредѣ многихъ, яко столпъ пламянь блискающаяся и яко искры огнены пушающа на въздухъ».²⁵ Рукописная традиция жития свидетельствует наличие славянских списков памятника, в которых это описание имеет важное в герменевтическом смысле продолжение, отсутствующее в греческом оригинале: по окончании цитированной фразы добавлено чтение «и прогоняя духи нечистыя».²⁶

Можно думать, что в данном случае топос представляет собой контаминацию мотивов «огненный столп — сакральный знак»²⁷ и «святой — столп веры» (столп-Андрей изгоняет нечистых духов). Этот вариант топоса нашел отражение и в русской агиографической традиции (особенно — в гимнографии и похвальных словах). Так, в Службе Александру Ошевенскому святой, среди прочих похвальных формул, именуется пресветлым столпом («радуйся, пресвѣтлый столпе»);²⁸ в Похвальном слове князю Константину Муромскому просветитель муромской земли с сыновьями названы великими поднебесными столпами («Вы есте *Божии велицыи поднебеснии столпи*»),²⁹ в Похвальном слове Макарию Унженскому говорится, что святых угодников следует «зрѣти» как одушевленные столпы: «Сего ради не точию потребно, но и зѣло желательно еже писати и часто прочитати святыхъ жития и сихъ яко в высоту стоящыя одушевленныя столпы зрѣти».³⁰

Другой вариант топоса столпа, встречающийся в древнерусских житиях, — это метафора «святой — столп терпения». Она также имеет библейское происхождение, так как опирается на сюжет о долготерпении праведного Иова.³¹ В одних случаях святой — как, например, Никола

²⁵ Цит по изд Молдован А М Житие Андрея Юродивого в славянской письменности М, 2000 С 390 Цитированный сюжет выделен в житии в отдельную главу — «О видѣвши (вариант О видѣнии) святаго суца столпа огнена» (С 389) См также описание кончины святого «Конча же ся таино солнце, до небеси столпъ пламянь, блаженный Андрей» (С 450)

²⁶ См Там же С 390, разночтения к строке 4828, ср в том же издании греческий текст соответствующего фрагмента (С 589)

²⁷ Ср также евангельский образ «Христос как молния» «Яко бо молния блистающися от поднебесныя на поднебеснѣи свѣтитися тако будетъ Сынъ Человѣчскій въ день свой» (Лк 17 24) Интересно, что в некоторых списках Жития Андрея Юродивого в цитированном фрагменте к фразе «яко столпъ пламянь блискающаяся» добавлено «молньями» (см Молдован А М Житие Андрея Юродивого в славянской письменности С 390, разночтения к строке 4828, ср в рукописи РНБ, собр ОЛДП, Q 497, л 93 об — 94 «яко столпъ огненъ блистаяся, яко искры молния пуца на въздухъ и прогоняя духи нечистыя»), ср в сцене борьбы Андрея с бесами блаженному является на помощь Иоанн Богослов, который, изгнав демонов, «якоже въ молнию себе прѣтворивъ, из очию его отиде» (С 172), в сюжете об умершем богаче «и се, сниде ангель Господень, яко скоро молния, держа палицу пламяну в руцѣ своей и прогоняше нечистыя духы» (С 267) и др

²⁸ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 193, л 7

²⁹ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 1355, л 58 Публикацию полного текста Похвального слова см в статье Руди Т Р Похвальное слово князю Константину Муромскому (некоторые проблемы исследования) // ТОДРЛ Т 56 (в печати)

³⁰ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 21, л 100 об

³¹ Представляется, что любопытное подтверждение существования в средневековом сознании формулы «Иов — столп терпения» можно видеть в Житии Евфросина Псковского в

В одном из чудес Жития Зосимы и Савватия Соловецких, «Чюде преславне о Григории, исцѣлѣвшемъ во обители преподобныхъ», находим интересный вариант топоса, также содержащий сравнение героя с Иовом. «Слышимъ бо и великаго столпа праведнаго Иова, во всѣхъ напастѣхъ непоколѣбима, а от поношения друговъ своихъ невозможе стерпѣти, — такоже и сему Григорию возмутився умъ от неприязни, и вскорѣ смерти, нежели жити прошаше».³⁸ Интересно, что в данном случае Иов назван не «столпом терпения», как это обычно бывает в житийной традиции (хотя подразумевается, безусловно, именно долготерпение библейского праведника), а «великим столпом, во всех напастѣх непоколебимым». Здесь топос столпа использован в особом варианте, получившем, пожалуй, наибольшее распространение в древнерусских житийных текстах. Я имею в виду обобщающую похвальную формулу «яко столп непоколебим», обозначающую твердость подвижника не только в терпении, но и в вере вообще.

Топос «яко столп непоколебим», придя в древнерусскую агиографию, как и многие другие этикетные формулы, из византийской традиции,³⁹ получил широкое распространение в житиях, похвальных словах и службах святым. Назову лишь некоторые тексты, в которых он использован.

В самом раннем из древнерусских агиографических памятников, содержащих формулу непоколебимого столпа, — Сказании о Борисе и Глебе — этот топос присутствует в особой форме, наиболее близкой к библейскому чтению, к которому он восходит: «Вы убо небесная чловѣка еста, земляная ангела, стѣлна и утвържение землѣ нашея».⁴⁰

В большинстве других памятников формула столпа уже содержит определение, передающее идею непоколебимости:

Похвальное слово Кириллу и Мефодию: «...недвижима стѣлна Христовѣ церкви»;⁴¹

повествующих о потере святым близких Так, в Житии Юлиании Лазаревской, рассказывающем о том, что шестеро из тринадцати детей святой умерли во младенчестве, говорится «О умерших же младенцах благодаряше Бога, по Иову глаголюще „Господь даде, Господь и взят“» (Иов 1 21) Цит по изд Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осориной) / Исследование и подгот текстов Т Р Руди СПб, 1996 С 129—130 Другим вариантом реализации мотива подражания Иову в житиях святых является формула «новый Иов» (или «второй Иов»), представляющая собой важную для средневекового сознания категорию *translatio nominis* Приведу лишь один пример Святой Симеон Столпник (ср восхождение на столп как испытание веры — столп терпения / столп веры) чтобы испытать себя в терпении, добивается гниения собственного тела, крепко обвязав себя колодезной веревкой («возгноися тѣло его от ранъ, яко угрызеса вервь до костей, и возсмърдѣ зѣло, еже и червми воскипѣ») — и таким образом подражая праведному Иову «Он же, яко другий Иовъ терпя, прилагаше черви къ язвѣ, глаголя „Ядѣте, яже вамъ Богъ даде“» (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 452, л 242, 246 об, ср также в другом фрагменте жития «Се же слышав, игумень ужасень бывъ < > и рече „Се естъ новый Иевъ“) О мотиве «святой — новый Иов» в Житии Филарета Милостивого см Ludwig C Sonderformen byzantinischer Hagiographie und ihr literarisches Vorbild Untersuchungen zu den Viten des Asop, des Philaretos, des Symeon Salos und des Andreas Salos Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 1997 S 79—88 (Berliner byzantinistische Studien Bd 3)

³⁸ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 41, л 354—354 об

³⁹ Приведу в качестве примера цитату из Канона Иоанну Воину «Якоже столпъ непоколебимъ свыше сердце твое, всечестнѣ Иоанне, имѣя любовь мучеником Христовым, сотворилъ еси не бояся царева суровства, тѣмже в любви Господни утверждатися намъ помози» (ирмос 3-й песни, цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 513, л 34)

⁴⁰ Цит по изд БЛДР Т I С 348 Ср «Церковь Бога жива столпъ и утверждение истины» (1 Тим 3 15)

⁴¹ Цит по словарю Slovník jazyka staroslověnského Praha, 1983 Т 4 (вып 36) С 167

Житие Евфросина Псковского: «И сия видев оный старец — преподобнаго Ефросина стояща яко аггела, *тверда столпа неподвижима*, братия же тако»;⁴²

Житие Александра Свирского: «Александръ есть молитвеникъ, *столпь непоколебимъ*, древо коренисто и плодовиито...»;⁴³

Похвальное слово Никите Переяславскому: «Сей бо преподобный отецъ нашъ яко свѣтъ возсия посредѣ тмы <...> *яко градъ непотрясомъ и яко столпь непоколебимъ*...»;⁴⁴

Похвальное слово Ефрему Новоторжскому: «Сей бо преподобный отецъ Ефремъ яко свѣтило возсия посреди тмы <...> *яко градъ непотрясомъ и яко столпь непоколебимъ*, яко вѣнецъ пресвѣтлый...»;⁴⁵

Служба Александру Ошевенскому: «Радуйся, *мирови явися столпь непоколебим*, радуйся, свѣтилнице, сияя чудесы...»;⁴⁶

«Похвальное слово русским преподобным» Сергия Шелонина: «Или кто не вѣсть нового Моисея Ефиопа <...> Никиту, глаголю, *столпа непоколебимаго подвига*, постничества и мученичества вѣнцем увязена...»;⁴⁷

В Житии Юлиании Лазаревской топос столпа представлен в распространенном виде. Говоря о том, что блаженная «от невегласивых бяше посмехаема о добрых делех», автор замечает: «Но никоеже споны солнечной красоте сотвори гнойная нечистота, *бе бо яко столп, основан на камени, емуже река припаде и возвяху ветри, но никакже возмогоша поколебати*».⁴⁸

Формула «яко столп непоколебим» может применяться в житиях не только к самому святому, но и к его окружению. Так, Пахомий Серб, описывая посещение им Кириллова монастыря во время сбора сведений для написания Жития Кирилла Белозерского, называет непоколебимыми

⁴² Цит по Охотникова В И Краткая редакция Жития Евфросина Псковского С 612 Ср в завершающей похвальной части жития «Радуйся, земный аггеле и небесный человеце, обителище бысть Святаго Духа, *целомудрию столп непревратный*» (Там же С 614) Примечательно, что в обоих случаях топос столпа здесь используется одновременно с другим наиболее часто употребляемым топосом житий преподобных — мотивом уподобления монахов ангелам («стояща яко аггела» в первом фрагменте и знаменитая формула «земный аггеле и небесный человеце» — во втором)

⁴³ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 208, л 161

⁴⁴ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 634, л 69 В Словаре И И Срезневского зафиксирована формула из Маргарита XVI в, представляющая собой, возможно, контаминацию двух образов, присутствующих в Похвальном слове Никите Переяславскому («яко град непотрясом, яко столп непоколебим») «Яко же нырь непотрясомъ», где «нырь» имеет значение «башня, столп», соответствующее греческому ὁ πύργος (см Срезневский Материалы СПб, 1895 Т 2 Стб 482)

⁴⁵ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 186, л 95 об—96 Нетрудно заметить, что цитированные фрагменты Похвальных слов Ефрему Новоторжскому и Никите Переяславскому фактически идентичны, что заставляет предположить некоторую — прямую или опосредованную (через общий источник) — зависимость текстов двух этих памятников О житиях и похвальных словах Ефрему Новоторжскому и Никите Столпнику Переяславскому см соответственно Словарь книжников Вып 1 С 148—150 (словарная статья Н Ф Дробленковой), Там же Вып 2, ч 1 С 307—310 (статья Н В Поньрко, исследовательница отмечает в краткой Похвале Никите Столпнику, использующей многочисленные этикетные похвальные формулы, наличие некоторых несоответствий житию святого (так, например, святой именуется «началником мнихом»), что, по-видимому, может свидетельствовать о том, что ее автор очень мало знал о святом (С 309) и создавал ее преимущественно «по образцам»)

⁴⁶ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 193, л 11

⁴⁷ Цит по Панченко О В Из археографических разысканий в области словесной книжности I «Похвальное слово русским преподобным» — сочинение Сергия Шелонина (вопросы атрибуции, датировка, характеристика авторских редакций) // ТОДРЛ СПб, 2003 Т 53 С 585

⁴⁸ Цит по изд Житие Юлиании Лазаревской С 123 Ср использование традиционной формулы в другом фрагменте жития «Она же ни от чего не смущашесе, *но аки столп непоколебим непрестанно стояше*, и всю надежду свою на Бога возлагаше » (С 127)

столпами учеников святого, во всем подражавших своему учителю: «Обрѣтох же тамо и иных многихъ от ученикъ его. Яко столпи непоколѣбимии въистинну пребывающе, иже многа лѣта живше съ святымъ, въ всем ревнующе учителю своему, яже научени бывше отъ него»⁴⁹ Примечательно, что автор Жития Мартиниана Белозерского — неизвестный инок Ферапонтова монастыря, который во многом ориентировался на сочинение Пахомия, — также включил этот рассказ в свой текст.⁵⁰

Для описания твердости святого в вере или терпении в агиографической традиции используется и другая восходящая к библейскому чтению устойчивая формула: подвижник зачастую сравнивается с драгоценным камнем — адамантом⁵¹ (от греч. ὁ ἄδαμας — сталь, символ крепости; позднее — алмаз⁵²), не подверженным каким бы то ни было воздействиям.⁵³ Приведу некоторые примеры:

«Онъ же, яко твердый адамантъ, вся сия крѣпцѣ трѣпяше»;⁵⁴

«Он же молитву шептаниемъ устен знаменоваше, да яко и воины изнемогше, биюще адамантеския оны душа уды»;⁵⁵

«Он же, яко твердый адамантъ, заплєва лице их и веру ихъ прокля»;⁵⁶

⁴⁹ Цит по изд Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские С 54

⁵⁰ См Там же С 270 Ср также характеристику Василия Шуйского в Житии Димитрия Угличского (Милютинской редакции) и др

⁵¹ Ср библейское описание 3-го видения пророка Амоса «Сие показа ми Господь и се, нужъ стой на оградѣ адамантовѣ, и въ руцѣ его адамантъ И рече Господь ко мнѣ что ты видиши, Амосе? И рѣхъ адамантъ И рече Господь ко мнѣ се, азъ учиню адаманта средѣ людий моихъ Израшля, к тому не приложу, еже мимоити его» (Амос 7 7--8) В эзегетической традиции — например, у Кирилла Александрийского — известно толкование этого фрагмента как говорящего о Христе (см А Patristic Greek Lexicon P 29, ср позднейшее толкование Корнелия а Лапиде, понимающего под «оградой адамантовой» святых и апостолов (см об этом Ohly F Diamant und Bocksblut Zur Traditions- und Auslegungsgeschichte eines Naturvorgangs von der Antike bis in die Moderne Berlin, 1976 S 70)) Иоанн Златоуст в своих гомилиях называет «адамантами» праведного Иова и апостола Павла (в отношении последнего он использует словосочетание «духовный адамантъ» — ὁ πνευματικὸς ἄδαμας, см А Patristic Greek Lexicon P 29) Другие примеры использования лексемы «адамантъ» и ее производных см, например, в кн Алексеев П Церковный словарь, или Истолкование славенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в Священном Писании 4-е изд СПб, 1817 Ч 1 С 6—7, об использовании мотива адаманта в античной и христианской традициях см также Hermann A (Stumpf P) Diamant // Reallexikon für Antike und Christentum / Herausgegeben von Theodor Klauser Stuttgart, 1957 Bd 3 Sp 955—963

⁵² См Греческо-русский словарь, изданный Киевским Отделением Общества классической филологии и педагогики Обработал А О Поспишилъ 2-е изд Киев, 1890 С 12

⁵³ Сходная формула имела широкое хождение и в гимнографии Одним из источников ее в славянской традиции могла быть, по-видимому, переводная самоподобная стихира на стиховне 4-го гласа «Умнаго адаманта (вариант Разумнаго адаманта / Τον σοφρον ἄδαμαντα) терпение, братие, духовно восхвалив » (Минея, 23 апреля) См Момина М А Самоподобные песнопения (ἑυτομελα) в церковнославянских богослужебных рукописях // Русь и южные славяне Сб статей к 100-летию со дня рождения В А Мошина / Сост и отв редактор В М Загребин СПб, 1998 С 182

⁵⁴ Житие Макария Калязинского (цит по ркп РНБ, Соловецкое собр., № 826/936, л 513 об) Эта формула, использовавшаяся для описания борьбы святого с бесами, встречается и в других житиях (см, например, Житие Иоасафа Каменского и др)

⁵⁵ Житие Иоанна Нового Белгородского (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 1, л 83) Ср характеристику лежащего в болезни великого князя Василия Ивановича в Царственной книге «И внесоша его въ постельные хоромы, и тако изволением Божиимъ аще и крѣпцѣ болѣзнуа, но обаче адамантская его царева душа, крѣпчайшее благодарение и прилежные молитвы иже къ Богу непрестанно бяху въ устѣхъ его» (см Царственная книга // ПСРЛ СПб, 1906 Т 13, 2-я половина С 412), ср также «О твердыя и адамантская твоя душа!» (Минея месячная, 29 января, цит по Словарь церковнославянского и русского языка составленный Вторым отделением Императорской Академии наук СПб 1847 Т 1 С 3)

⁵⁶ Житие Иоанна Казанского (цит по Ольшевская В А, Травников С Н Житие Иоанна Казанского // Герменевтика древнерусской литературы М, 2000 Сб 10 С 364)

«Съй же блаженный, яко крѣпкий адамантъ, помощию Вышняго сего (т. е. дьявола. — Т Р) побѣди и козни разори и до конца без вѣсти сего сътвори»;⁵⁷

«Блаженный же аки адамантъ твердый пребываше, не сокрушаяся слезнымъ молениемъ родительнымъ»;⁵⁸

«...яко крѣпкий адамантъ душею, преподобный отецъ нашъ Дионисие постническое имѣ житие и въздержанію зѣлному прилежа»;⁵⁹

«...и по постижении моря обрѣтаеть сего твердаго адаманта, прежереченнаго блаженнаго старца Германа»;⁶⁰

«...но якоже адамантъ-камень ударяемъ не ослабляетъ, ниже умягчается и бьющее его сокрушается желѣзо, такоже блаженный неуклонно подвизаяся по апостольскому учению»;⁶¹

«...приступающыя ко всечестнѣй рацѣ и многоцѣлебнымъ мощемъ твердаго и доблаго сего адаманта, духовнымъ пивомъ напоившаго жаждущихъ души»;⁶²

«...но вся сия святый терпѣше радостно, аки крѣпкий адамантъ, душею и умомъ неподвижимъ бысть»;⁶³ и др.

В последнем из приведенныхъ примеров, в Житии Нила Столбенского, в топос адаманта привнесен дополнительный мотив — мотив неподвижности, свойственный скорее топосу столпа. Это — свидетельство того, что обе эти формулы в сознании древнерусского книжника имели одну и ту же функцию, а потому были, по-видимому, взаимозаменяемы или могли использоваться одновременно, дополняя друг друга. Яркий пример такой контаминации находим в Житии Варлаама Хутынского, составленном Пахомием Сербом. Описав брань святого с бесами, которые «преображася овогда во змиа, овогда во звѣри различныя, хотяща его разлучити от мѣста того», автор продолжает: «Иногда же и от чловѣкъ пакости и печали приносяще ему, да поне досады чловѣческыя не претерпити и отбѣгнеть от мѣста того. Но обаче „тии спяти быша и падоша“ (Пс. 19: 9), приразившеся твердому адаманту сами сотрошася, твердаго же столпа не поколебаша».⁶⁴

Этот эпизод из Жития Варлаама Хутынского был позднее дословно использован, в числе прочих, псковским книжником Василием-Варлаамом при составлении жития другого северного подвижника — Саввы Крыпецкого, таким образом, в Житии Саввы также имеет место контаминация топосов столпа и адаманта.⁶⁵ То же сочетание мотивов, но в более пространным (с использованием морской тематики), стилистически украшенном варианте находим и в Житии Герасима Болдинского, написанном игуменом Болдина Троицкого монастыря Антонием. В сходном эпизоде — после описания борьбы преподобного с бесами и «пакостей», творимых святому «злоковарными лукавыми чловеками», — читаем: «Блаженный же, терпѣнню столпъ непоколебимый, яко крѣпкий адамантъ, при-

⁵⁷ Житие Никиты Новгородского (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 237, л 149)

⁵⁸ Житие Макария Унженского (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 21, л 62)

⁵⁹ Житие Дионисия Глушицкого (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 94, л 30)

⁶⁰ Житие Германа Соловецкого (цит по ркп РНБ, Соловецкое собр., № 183/183, л 21 об)

⁶¹ Житие Василия Блаженного (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 48, л 419 об)

⁶² Похвальное слово Федору, Давиду и Константину Ярославским (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 1, л 166 об—167)

⁶³ Житие Нила Столбенского (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 61, л 33)

⁶⁴ Цит по ркп РНБ, Q 1999, л 192

⁶⁵ Публикацию текста Жития Саввы см в статье Охотникова В И Рукописная традиция Жития Саввы Крыпецкого // ТОДРЛ СПб., 2001 Т 52 С 314—347 (интересующий нас эпизод см на с 318)

ражаясь от морскихъ волнь, неразбиваемъ бываишь, но паче волны от него разсытовахуся и в пѣны превращаешся, твердаго же столпа не поколебашъ, — сице и святой, ни во что же вмѣняя озлобления злоковарныхъ сихъ лукавыхъ человекъ, терпѣниемъ и молитвами одолеваше всѣхъ, опасно вѣдый, злаго стараго врага диявола наважение сие быти». ⁶⁶ Добавлю, что в Житии Зосимы и Савватия Соловецких, также в эпизоде борьбы святого с бесами, присутствует вариант того же топоса в близком лексическом выражении (с использованием цитаты из Псалтыри, ср. жития Варлаама Хутынского и Саввы Крыпецкого), однако без упоминания адаманта: «И сбьсться на них реченное писание: „Тии и спяти быша, и падоша, твердаго же столпа поколебати не возмогоша“». ⁶⁷ В Житии же Мартирия Зеленецкого в сходном эпизоде, напротив, отсутствует упоминание столпа, однако, судя по конструкции фразы, можно предполагать, что в его источнике также имела место контаминация двух топосов — традиционный в отношении столпа глагол «поколебати» отнесен здесь к адаманту: «Никакоже возмогоша свирѣпии звѣрие твердаго сего адаманта, преподобнаго Мартирия, поколѣбати». ⁶⁸

Другой интересный пример трансформации топики столпа можно видеть в ряде житий преподобных: описывая пребывание святого в церкви, автор подчеркивает его физическую неподвижность как свидетельство сосредоточенности на молитве. Так, в Житии Кирилла Белозерского читаем: «Сам же блаженный Кирилъ николиже, въ церкви стоя, къ стѣнѣмъ преклонися или без време не посѣди, но нозѣ его бяху яко и столпие». ⁶⁹ Та же формула «нози-столпие» используется в других случаях при описании последних лет жизни святого, когда он, придя в глубокую старость, продолжает, несмотря на физическую слабость, усердно посещать церковную службу: «И елико состарѣвся возрастомъ, толико паче крѣпляшся и растяше усердиемъ, и божественыхъ подвиговъ мужественѣ и тепле касашся, никакоже старостию побѣжаемъ; нози бо его яко столпие бяху, день от дне яко степенемъ приближающа к Богу». ⁷⁰ Можно предположить, что

⁶⁶ Цит по Крушельницкая Е В Автобиография и житие в древнерусской литературе Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските Исследование и тексты СПб, 1996 С 221—222 Отмечу, что в заключительной похвальной части Жития Герасима Болдинского использован и рассмотренный нами ранее мотив долготерпения Иова «Видимъ бо бывающеи сие в немъ преже бывшихъ отецъ вослѣдования *трьпѣние Иовле во искушенихъ*, Иосифово и Яковле незлобие и Давидову кротость, Авраамле страннолюбие» (Там же С 249)

⁶⁷ Цит по Великия Миней Четии, собранныя Всероссийским митрополитом Макарием Апрель День 17 / Изд Археографической комиссии СПб, 1912 Стб 524 В другой редакции жития есть указание на то, что использованная цитата имеет источником Псалтырь «И сбьсться на них реченое в псалмѣхъ „Тии спяти быша и падоша, твердаго же столпа поколебати никакоже возмогоша“» (ср «Тии спяти быша и падоша мы же востахомъ и исправихомся» — Пс 19 9), цит по Дмитриева Р П Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв Разные аспекты исследования / Отв ред Д С Лихачев СПб, 1991 С 242

⁶⁸ Цит по Крушельницкая Е В Автобиография и житие в древнерусской литературе С 315

⁶⁹ Цит по изд Преподобные Кирилл, Феррапонт и Мартириан Белозерские С 86

⁷⁰ Житие Авраамия Чухломского (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 48, л 342 об.) Ср соответствующий фрагмент Жития Сергия Радонежского, послужившего, возможно, источником цитированного фрагмента Жития Авраамия (см БЛДР СПб, 1999 Т 6 С 386) Этот топос в том же лексическом выражении встречается и в других житиях святых (см, например, жития Макария Калязинского и Нила Столбенского) Интересно, однако, отметить, что в некоторых случаях авторы, используя тот же лексический блок при описании усердия святого в старости, отказываются, — по-видимому, в соответствии с реальными фактами, — от формулы «нози-столпие» и используют ее «обратный вариант» Приведу для сравнения фрагмент из Жития Паисия Угличского « елико состарѣвся, толико пачѣ крѣпля-

этот вариант топоса представляет собой сочетание традиционного агнографического мотива «непоколебимого столпа» с символикой библейского описания ангелов Апокалипсиса: «И видѣхъ инаго аггела крѣпка сходяща съ небесе, оболчена во облакъ, и дуга над главою его, и лице его яко солнце, и носѣ его яко столпи огнени» (Апок. 10· 1)⁷¹

Особенно интересный пример инаго осмысления устойчивой формулы «яко столп непоколебим» можно видеть в Житии Антония Сийского. Автор использовал здесь известный топос в нетрадиционной ситуации — при описании самоистязания святого, подставляющего свое тело на съедение комарам. Этот аскетический мотив часто встречается в житиях преподобных — начиная с Жития Феодосия Печерского⁷² Приведу, в качестве примера, яркий фрагмент из Жития Никиты Переяславского, ориентированного в этом сюжете, возможно, в определенной степени, на Житие Симеона Столпника (как и сам Симеон был, безусловно, «первообразом» или образцом для подражания для переяславского святого-столпника)⁷³ «И умысли в себѣ, рече „Аще тѣлом согрѣших, то тѣлом ми подобаеъ и пострадати *Аще не стерплю солнечныя теплоты и худыя сиа мшица вкушения, то како стерплю кромѣшнюю тму и черви неусыпающаго*“» И совлекъ с себе мирская одѣяния и сътвори себе понагу и шедъ въ тростие <...> И шедъ братъ, обрѣте и въ тростии лежаща, а паукомъ и мшицамъ на нем множество пребывающимъ, овѣмъ отлетающим, а овѣмъ по земли ползющим и от излишениа крови на землю каплющим»⁷⁴

шеся и растяше усърдием и божествѣнныхъ подвигъ божествѣнъ и тѣплѣ касашеся, старостию побѣждаеъ, елма от вѣликаго воздѣржания и стояния позѣ его нѣ можаху въ стоянии послужити, и сѣдѣшу ему въ свое правило держаще, и николиже молитва во устѣхъ его прѣста, паче же Исусова» (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 477, л 41 об—42)

⁷¹ Следует заметить, что тема уподобления монахов ангелам (а также подражания ангелам — *imitatio angelii*) является одной из важнейших составляющих топика житий преподобных См об этом Руди Т Р 1) «*Imitatio angelii*» (проблемы типологии агнографической топика) // РЛ 2003 № 2 С 48—59, 2) Средневековая агнографическая топика (принцип *imitatio* и проблемы типологии) // Литература, культура и фольклор славянских народов XIII Международного съезда славистов (Люблина, август 2003) Доклады российской делегации М, 2002 С 40—55

⁷² См БЛДР Т I С 376

⁷³ Симеон по требованию игумена уходит из монастыря и укрывается в высохшем колоде, полном гадов «Мнози гади в немъ живяху и мнози аспиди и ехидни и змиеви и скорпии множество» Примечательно, что и в житии другого русского столпника, преподобного Саввы Вишерского, присутствует мотив истязания плоти насекомыми «Той же преподобный Сава < > виден бѣ мимоходящими, стоя на молитвѣ пред образом пречистыа Богородицы во дни поста святыхъ апостоль Петра и Павла Лице его покровено бѣ множицею комаров и мшица до толика, яко ни тѣлесному зраку его во множествѣ их видетиа» (цит по Федотова М А К вопросу о Житии Саввы Вишерского // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 557) Однако подражание первому из столпников было свойственно и подвижникам, относящимся к другим типам святости Так, например, в Житии преподобного Даниила Переяславского говорится, что святой уже в детстве истязал себя, подражая Симеону Столпнику (см об этом Белоброва О А Житие Даниила Переяславского // Словарь книжников Вып 2, ч I С 258)

⁷⁴ Цит по ркп РНБ, Софийское собр., № 1419, л 431 Отмечу что присутствующее в этом фрагменте сопоставление истязания плоти насекомыми («худыя сиа мшица вкушения») с адскими муками («како стерплю < > черви неусыпающаго») является устойчивым мотивом житийной аскетики Ср., например, описание сходного эпизода в Житии Антония Сийского (святой обнажает тело для укусов комаров и оводов во время ночных трудов) «Стояше бо блаженный, рукама своима жито меляше, умом же своимъ небеснымъ поучаяся и молитвою своею в небесныя двери ударающе И в сихъ пребывающе, ревностию духовною распалаше боголюбивую душу свою, забываше плоть свою, не чюяше сѣдѣнии сихъ И тако подвизашеся, червей оиѣхъ сѣдѣние в память предлагаея» (цит по кн Рыжова Е А Антониево-Сийский монастырь Житие Антония Сийского Книжные центры Русского Севера Сыктывкар, 2000 С 285) Родственную природу имеет широко распространенный в житиях преподобных мотив сравнения огня в печи поварни с адским огнем (см., например, византийское Житие

В Житии Антония Сийского автор рисует не менее яркую картину самоистязания святого.⁷⁵ Приведу здесь полностью этот эпизод, соединяющий традиционную риторику с детальным описанием: «Внегда же молоти ему, обнажаше тѣло свое до пояса, и множество же овадовъ и комаровъ прилѣтающе, обсѣдаху тѣло его, ядыху тѣло его купно же и кровь его пияху. И толико бяше видѣти все тѣло его покровено бысть от множества их, яко и краем прѣста негде прикоснутися телеси его! Блаженный же Антоние ни къ единому же коснуса их и не двиняше их ни мало же. И кто не удивится блаженному тѣрпѣнию сятаго сего страдалца, видѣвши в глубоцѣ старости чюдное терпѣние, елико бо ядоху плоть его, толико блаженный сей неподвижим бываше, не преступая с мѣста на мѣсто ни семо, ни онамо, но яко столпъ непоколебимъ бяше или яко нечювьственъ нѣкако, исполумертва нареши его в непочювении бываемых!».⁷⁶

Как видим, при описании аскетических подвигов святого автор счел уместным использовать традиционный топос непоколебимого столпа, переведя его из области, так сказать, символично-метафорической («святой — столп терпения») во вполне конкретную плоскость: Антоний стоит неподвижно — «яко столпъ непоколебимъ бяше», подвергая себя укусам множества оводов и комаров, сплошь покрывших его тело. (Замечу в скобках, что использование традиционного топоса в нетрадиционной ситуации нарушило логику описываемого эпизода: Антоний всю ночь мелет зерно, оставаясь при этом неподвижным.)

Примечательно, что автор жития еще раз использовал тот же топос в его «реалистическом» наполнении, в другом эпизоде описывая подобную ситуацию. Святой подставляет свое тело на съедение комарам во время ловли рыбы, оставаясь при этом неподвижным: «Сплоти же себѣ преподобный плот в пустыни сей и на семь плотѣ рыбу удыше на озерѣ том на потребу свою. И внегда же удити ему на плотѣ сем, тогда блаженный обнажаше главу и плещи свои, и прилѣташе множество овадовъ и комаровъ, обсѣдаху все лице его, и шию, и плещи его, и пиаху кровь его нещадно. Преподобный же, *тѣрпѣнѣя столпъ непоколебимый*, не двизаше их никакоже и ни единому перстом коснуса их, но тако даяше лице свое и плещи свои на снѣдение имъ, дондеже от рыбнаго ловления престати ему. Бяше же рыбное ловление его на много время продолжити ему, в то время продолженое множество комаровъ и овадовъ, яко рой, бяше видѣти над плещима преподобнаго толкущеса».⁷⁷

Подведем некоторые итоги. Проведенные наблюдения показывают, что топос «яко столп непоколебим», восходящий к библейским источникам и заимствованный, как и многие другие устойчивые литературные формулы, из византийской традиции, получил в древнерусской книжности широкое распространение. Он бытовал в агиографических текстах в нескольких вариантах, получая в разное время и у различных авторов

Евфросина-повара, жития Кирилла Белозерского, Феодосия Тотемского, Симона Воломского и др.) Об этом мотиве см подробнее Водолазкин Е Г Монастырский быт в агиографическом изображении («поварня» древнерусских житий) // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 48 С 229—231

⁷⁵ Я здесь имею в виду первоначальную редакцию жития, составленную в 1578 г иеромонахом Антониево-Сийского монастыря Ионой

⁷⁶ Цит по кн Рыжова Е А Антониево-Сийский монастырь С 285

⁷⁷ Там же С 288

новое наполнение, а также контаминируясь с другими родственными устойчивыми литературными формулами.⁷⁸

Топос «святой — столп веры» (или «столп терпения») имеет безусловную генетическую связь с темой столпничества вообще,⁷⁹ что нашло отражение и в поэтике житий святых, не являвшихся столпниками (в основном — в житиях преподобных, но не только).⁸⁰ Приведу лишь несколько примеров.

Житие Василия Блаженного: «Кто не похвалить сего богомудраго Василия и не удивится терпѣнию его в народъ живый безмолствуя, яко в столпъ пребывая».⁸¹

Житие Нила Столбенского: «И возложи преподобный отецъ нашъ Ниль сердечнаго своего желанія основание на камень, и възиде на него, и утверди на нем умныя своя стопы, и крѣпцѣ ста, и храбрски ополчися к борению на невидимаго врага».⁸²

Житие Германа Соловецкого: «Сей убо <...> иноческое пребывание паче возлюби, родителя и домъ оставя, Христу единому работати возжелѣ, великаго и славнаго моря-окияна на отокъ яко на нѣкий превысокий столпъ възиде со преподобными отцы Зосимою и Саватием, на немже пустыню обрѣте и сию слезами напои, и в ней жити паче царскихъ чертогъ жестокое житие»⁸³ изволи».⁸⁴

О значимости и месте топоса столпа в художественном сознании древнерусских книжников свидетельствует, помимо прочего, например, тот факт, что автор Жития Иринарха Ростовского — ученик святого, инок Борисоглебского монастыря старец Александр — включил этот топос, наряду с другими важнейшими формулами-характеристиками, в заглавие своего труда. «Житие и подвиги преподобнаго отца нашего воздержателя и столпа крѣпка и страдальца въ подвижѣхъ и наставника и учителя и затворника Борисоглѣбскаго монастыря, иже есть на Устье, старца праведна мужа Иринарха».⁸⁵

Другой яркий пример глубинного осмысления топоса столпа — Житие Андрея Денисова. Здесь автор — мастер риторики, говоря о противостоянии защитников древлего благочестия нововводимым церковным рефор-

⁷⁸ Следует отметить, что помимо рассмотренных основных вариантов топоса столпа («огненный столп», «столп терпения / столп веры», «непоколебимый столп») в агнографической традиции существуют, безусловно, и другие — находящиеся вне рамок топоса — варианты использования образа столпа, в которых он, будучи включен в новую парадигму, выполняет иные функции. См., например, интерпретацию семантического ряда «древо — финик — кедр — столп» в предисловии к Житию Корнилия Выговского Маркасова Е. В. Предисловие к Житию Корнилия Выговского и традиция создания предисловий в агнографии XVII—начала XVIII в // ТОДРЛ СПб, 1999 Т 51 С 243—252 (особенно с 248, 250—251)

⁷⁹ О месте, которое занимал в средневековом сознании образ столпа в контексте темы столпничества, свидетельствует поразительное по силе сравнение столпа подвижников-столпников с крестом Христовым, читающееся в «Похвальном слове преподобным отцам и женам» Григория Цамблака О Симеоне Столпнике здесь сказано «Вѣм мужа < > самому Спасу странствіем поревновавши, и на столпъ возшедиша яко на крестъ» Этот пассаж позднее был использован Сергием Шелониным в «Похвальном слове русским преподобным» для похвалы русскому столпнику Савве Вишерскому (см Панченко О В Поэтика уподоблений С 517)

⁸⁰ Следует отметить, что столпники, которых в типологии святости обычно принято выделять в особый разряд, по типу подвига относятся, безусловно, к одному из основных чинов, — как правило, к преподобным

⁸¹ «Житие вкратце и слово похвалное святаго и праведнаго Христа ради юродиваго богоблаженнаго Василия, достоюднаго новаго чудотворца московскаго» (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 48, л 422)

⁸² Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 61, л 24 об

⁸³ Исправлено мной, в ркп ошибочно «жижие»

⁸⁴ Цит по ркп РНБ, Соловецкое собр, № 183/183, л 29 об — 30

⁸⁵ Цит по ркп РНБ, собр А А Титова № 2025, л 54 об

мам, переносит характеристику непоколебимого столпа с конкретного подвижника на старообрядческое движение в целом, называя его вождей «непреклонными столпами нашего стояния»: «И егда на всю Россию мракъ новыхъ заблуждений нападе, тогда богоспасаемая страна сия зарею непорочнаго правовѣрія ясно озарися: сии бо предивнии мужие бяху нашего просвѣщения свѣтозарныя звѣзды, сии нашего утверждения крѣпкая основания, сии нашего ограждения нерушимая забрала, *сии нашего стояния непреклоннии столпы*, сии нашего украшения неувядаемии цвѣти».⁸⁶

И еще один интересный пример. Автор Жития Нифонта Новгородского, псковский агиограф Василий-Варлаам, заимствовал для своего текста предисловие из Жития Феодора Едесского, внося в него некоторые изменения.⁸⁷ Приведу оба фрагмента в сравнении:

Житие Феодора Едесского

« воистинну убо того благословити достойно есть и призывати, воспоминаия бо великаго мужа и яже о немъ подвиги и пошения и добродѣтели, не достоитъ бо такovyя меда сладчайшия пользы, великаго, реку, Феодора, бывша в велицѣй лаврѣ блаженнаго Савы, в забвение положити, аггельскимъ житиемъ и пребываниемъ прешедша, и по сем *священый престоль* украсившаго града Едесскаго»⁸⁸

Житие Нифонта Новгородского

« воистинну бо того достойно благословити и молитися ему непрестанно и призывати на помощь, сошедшимся намъ въ память святаго великаго отца, яже о немъ нынѣ списание впереди да глаголется, Нифонта реку, бывшаго въ велицѣй лавры Печерския божественныхъ отецъ Антония и Феодосия аггельскимъ житиемъ и пребываниемъ, пришедша и посемъ *священця столпы* украсивша Великаго Новаграда»⁸⁹

Примечательно, что помимо необходимых исправлений (замены имен и географических названий) автор (или один из последующих переписчиков жития) внес в текст еще одно изменение: чтение «священный престоль» он заменил на «священця столпы», таким образом столпом здесь именуется не конкретный подвижник (в данном случае — святитель), а епископское служение вообще. Даже если эта замена не носила целенаправленного характера,⁹⁰ сам факт ее существования свидетельствует о том, что топоним столпа занимал довольно прочные позиции в сознании древнерусских книжников.

Итак, проведенные наблюдения позволяют заключить, что топоним столпа являлся одной из наиболее устойчивых и авторитетных литературных формул древнерусской книжности.⁹¹ О последнем свидетельствует, в част-

⁸⁶ «Житие и жизнь премудраго древняго благочестия учителя блаженнаго отца Андрея Дионисевича» (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 60, л 16—16 об)

⁸⁷ Ср Житие Феодора Едесскаго СПб, 1879 Вып 1 С 5—8 (Изд ОДЛП, № 48) Отмечу, что предисловие к Житию Феодора Едесскаго («Благословень Богъ Отець Господь Вседержитель, творецъ небу и земли, видимым же всѣмъ и невидимымъ») было использовано также Дружиной Осорьиным при создании Пространной редакции Жития Юлиании Лазаревской (см Житие Юлиании Лазаревской С 120—122 и др)

⁸⁸ Житие Феодора Едесскаго С 6—7

⁸⁹ Цит по изд Памятники старинной русской литературы Вып 4 С 1

⁹⁰ Без географически вполне можно предположить) Могу только отметить, что чтение «священця столпы» зафиксировано не только в печатном издании текста Жития Нифонта Новгородского, но присутствует и в рукописной традиции памятника (см, например, ркп РНБ, собр ОЛДП, F 189, л 78 об—79)

⁹¹ Показательно, что, пережив средневековье, он вошел и в культурное сознание нового времени («Столп и утверждение истины» (1 Тим 3 15) о Павла Флоренского, «столпы церкви», «столпы общества», «столпы науки» и др)

ности, и тот факт, что «непоколебимым столпом», среди прочих похвальных формул, в гимнографической традиции может именоваться и Пресвятая Богородица: «О Пресвятая Богородице Дѣво, Владычице, вышшая аггелъ и архаггелъ и всея твари честнѣйшая, аггельское великое удивление, пророческая высокая проповѣдь, апостолская преславная похвало, святителемъ изрядное украшение, мученикомъ крѣпкое утверждение, инокомъ спасительное наставление, постникомъ неизнемогающее воздержание, дѣвствующимъ чисто и славо <...> несквѣрная невѣсто, палато Духа Пресвятаго, огненный престоле невидимаго Царя, небесный кивоте, носило Слова Божия, огнеобразная колеснице, покоище Живаго Бога, неизреченное составление плоти Христовы, гнѣздо орла небеснаго, горлице богогласная, голубице кроткая <...> чаше Царя Небеснаго, въ нейже растворися от Духа Свята вино неисчерпаемая благодати, ходатаице закона, зачало истинныя вѣры Христовы, непоколебимый столпе, еретикомъ пагубо, мечю ярости Божия на богопротивныхъ, бѣсомъ устрашение, въ бранехъ побѣждение, христианомъ всѣмъ неложная хранителнице и миру всему извѣстное спасение!». ⁹²

⁹² «Молитва по Акафисте къ Пресвятѣй Богородицѣ» (цит по ркп РНБ, собр А А Титова, № 4192, л 276—277 об)